

Заметки против диктатуры экономики

Тирания стоимости в процессе самовозрастания, подтверждение революционной программы

Прошло около века с тех пор как критика экономики установила (1), что **диктатура самовозрастающей стоимости** является сущностью капиталистического общества и что польза производимых предметов является лишь подсобным средством этой всеприсущей диктатуры. Потребительная стоимость просто поддерживает меновую стоимость, стоимость в процессе самовозрастания.

Нищета, диктатуры, войны, эксплуатация и угнетение являются выражением этой **адской тирании стоимости** которая стала истинным субъектом, Богом всего общества.

Миром правят не идеи, не политика и не законы, а экономика, жажда наживы и денег; идеи, политика, права и государственный террор служат лишь для того, чтобы поддерживать и укреплять увеличившееся воспроизводство этой тирании.

Иными словами, государство, демократия,... т.е. структурирование Капитала как силы господства (в любой форме, в какой он самоорганизуется), только продлевают диктатуру стоимости над человеческой жизнью. Терроризм, открытый или скрытый, парламентарный или бонапартистский, фашистский или антифашистский, является не более чем выражением беспощадной реальности мира, подчинённого закону стоимости.

Тот факт, что эксплуатация, диктатура, угнетение, нищета,... вызваны не одним отдельным человеком, "боссом-эксплуататором" или правительством с сумасшедшим или расистским лидером (2), но являются лишь неизбежным выражением развития стоимости в процессе самовозрастания, был теоретическим пунктом решительной значимости для революционного движения. Демонстрируя, что все противоречия и пытки буржуазного общества уже содержатся в **базовых клетках общества, в товаре**, в противоречии между потребительной и меновой стоимостью, он стал не только стимулом для процесса развития интернациональной революционной организованности в течение многих лет, но также ввёл ясные элементы **революционного направления и программного содержания**.

Конечно, все эти программные утверждения, эта теория обнажающая капитализм, были продуктом интернациональной рабочей организованности в момент становления, и, как

часто говорили Маркс и Энгельс, были **работой Партии**... Это организационное и программное усиление революционного движения конкретизировалось позже в Манифесте коммунистической партии, в развитии революционной прессы, в прямом действии пролетариата, в его попытках централизации,... также как и позже в Первом Интернационале, революционном движении пролетариата в Мексике (1868-1870 гг.), во Франции (1870-1871 гг.), и т.д.

Так коммунизм вооружённый оружием решительным для понимания и обличения всех видов реформизма совершил фундаментальный шаг к утверждению собственной программы. В самом деле, в то же время, огромное количество теорий и буржуазных партий (как формальной так и неформальной социал-демократии) нацеленных на рабочих самовыражалось впервые в качестве реакции на развитие пролетарского движения. Эти силы и идеологии осудили отдельные проявления зол буржуазного общества и предложили "решения" и реформы, оставившие нетронутой сущность торгового общества, например теории и планы Прудона. Они называли себя социалистами, прогрессистами, анархистами, социал-демократами, коммунистами, антиавторитариями,... но было ясно (3), что они были лишь скудным выражением левого крыла самого буржуазного общества и их программы предлагали уничтожить только то или иное "неудачное" последствие торгового общества, оставляя основную клетку (товар), её воспроизводство, производящее стоимость общество, обмен и наёмный труд нетронутыми.

Так, практический антагонизм революционного движения против реформизма и утверждение программы самой революции развивались и самоутверждались одновременно. Смена правительств, "демократизация" государства, государственный контроль над средствами производства, аграрная реформа, банки для бедных или оплата по трудовым ваучерам... никогда не могли реально противостоять диктатуре самовозрастающей стоимости и смешно даже думать, что они смогли бы. Единственным решением, для всего человечества, является упразднение закона стоимости, **тотальное и деспотичное уничтожение тирании экономики**. Это центр, сердце коммунистической программы, ключ к неизменности революционной программы разрушения капитализма для революционеров настоящего как и для революционеров прошлого.

Потребность в насильственном уничтожении всех буржуазных социальных структур, в организации пролетариата как класс и партия, как диктатура бедных, а позже, более чётко, как диктатурой пролетариата была выражена задолго до того, как Маркс и Энгельс систематизировали сущность революционной программы вокруг уничтожения экономики. С Марксом и Энгельсом, потребность и возможность диктатуры пролетариата нашла свою практическую основу, обозначив как утопию любые претензии на радикальные перемены без уничтожения товара. **Революционная диктатура за упразднение торгового общества** была практически написана (хотя и не всегда официально) на флаге каждого реального пролетарского столкновения с капитализмом и государством.

До этого на революционеров смотрели как на утопистов (4), но теперь они могли показать, что как раз реформы или частичные "революции" представляли собой утопии.

"Не радикальная революция и не универсальное человеческое освобождение являются утопической мечтой...; а частичные, чисто политические революции, революции,

оставляющие нетронутыми основы здания." (К.Маркс, "Критика Гегелевой философии права", 1844)

Азбука революционной программы: диктатура пролетариата

Принимая во внимание масштаб искажений и идеологических фальсификаций характеризующих наше время, будет не лишним прояснить азбуку революционной программы. Сущность сегодняшнего капитализма заключается (иначе не может быть) в том же в чём и вчера. Как мы говорили много раз до этого, революционная программа **неизменна**; только диктатура пролетариата с последующим упразднением товара и наёмного труда может стать реальным решением для человечества.

Мы очень хотели бы заново открыть дискуссию о содержании и масштабе того, что мы, коммунисты называем **революционной диктатурой пролетариата**; мы хотели бы сконцентрироваться на определённых аспектах нашей программы, которые были искажены и извращены контрреволюцией, но будут основными во время следующей мировой революционной волны.

Отталкиваясь от исторической необходимости уничтожить диктатуру стоимости, приобретёт первостепенную выжность борьба против всех идеологий (таких как социализм в одной стране), которые рассматривают диктатуру пролетариата как политическую диктатуру, как формальную диктатуру того или иного сектора или партии "пролетариата" или "социалистической партии". Мы должны будем противопоставить им свою собственную концепцию о том, что **социальный** характер (**тотальный** характер) диктатуры пролетариата является исторической мстью потребительной стоимости против стоимости, утверждением **человеческих потребностей против стоимости в процессе самовозрастания**. Это проясняет почему пролетариат не смог установить свою диктатуру и что тот антагонизм, который одержит триумф над товаром и его законами, может установиться только на **мировом масштабе**. Тогда становится ясно, что после отдельных схваток класса с классом, как в Мексике в начале этого века, в России с '17 по '19 гг., в Германии немного позже или в Испании в 30-х, когда мы боролись против тысячи и одного выражения закона стоимости, было бы нонсенсом говорить о "диктатуре пролетариата" в одной стране. Даже в образцовых случаях организации революционных действий нашим классом, которые мы только что упомянули, мы можем говорить только о **прообраз и попытках** установить классовую диктатуру – но не о самой диктатуре пролетариата, которая может быть только всемирной.

Точно так же ревизионизм и реформизм изобрели абсурдную теорию о социализме в одной стране и господствующему классу мира доставляет удовольствие говорить о "социалистических странах" или "коммунистических странах", некоторые более радикальные секторы левой марксистской буржуазии изобрели диктатуру пролетариата в одной стране или, ещё хуже, теорию рабочего государства, сначала в России, а затем и в других странах.

Мы также хотим подчеркнуть, что потребность в упразднении автономных решений, принимаемых производственными единицами, в упразднении автономии покупателей и продавцов, спроса и предложения и в упразднении равенства личности и её свободы

принимать решения (основа основ меркантильного общества) является ключевым аспектом диктатуры пролетариата и станет решающей в грядущих битвах пролетариата. Мы хотим подчеркнуть, что диктатура пролетариата не только должна будет уничтожить предприятия, какими они являются сейчас, но также и другие единицы, автономные в своём принятии решений, в качестве групп фабрик или экономических отраслей, поскольку это подразумевает отношения обмена между ними. Мы хотим показать жизненную необходимость упразднить демократию во всех её выражениях, не только парламентарную, но также демократию "рабочих советов", рабочую демократию и т.д. Наконец, но не в последнюю очередь, мы хотели бы развить ключевые элементы в борьбе против всего ансамбля идеологий (таких как федерализм, увриеризм [рабочизм], "анархизм",...) которые станут препятствием для развития и органичной централизации против закона стоимости.

Программные определения революции развиваются в антагонизме по отношению к программным решениям капитализма и его попыткам реформ, именно поэтому мы чувствуем потребность в изложении этих общих положений о диктатуре пролетариата в данном тексте о диктатуре стоимости, о диктатуре экономики. Однако, дальнейшее развитие тем, связанных с уничтожением диктатуры стоимости заведёт нас слишком далеко в сторону от целей данного текста и вскоре на них сфокусируется другой текст (5).

Открытый разговор о диктатуре экономики

Здесь мы хотим подчеркнуть некоторые аспекты диктатуры экономики сегодня, современное развитие диктатуры навязанное самовозрастающей стоимостью во всех сферах человеческой жизни, текущими формами господствующего дискурса, всё более подчиняющего человеческие существа безличному монстру экономики.

Несмотря на то, что диктатура экономики всегда была постоянной чертой капитала, она тем не менее потребовала долгого процесса до того как обязанность служить экономике, нужда приносить себя в жертву конкуренции, обязательство совершать усилия ради национальной экономики или любое требование затянуть ремни, чтобы "дать толчок" экономике могли быть открыто объявленными. Много воды утекло и много крови было пролито во всём мире, пока повсюду не было принято в качестве естественного порядка вещей, что человек не стоит ничего, в то время как единственной важной вещью является национальная экономика, конкурентоспособность.

Хотя буржуазное общество, и особенно национальная экономика, всегда считало человеческие существа простыми средствами обогащения, капитализм в предыдущие столетия скрывал свои цели (по крайней мере идеологически и частично) и никакое правительство не могло сказать, настолько же открыто как сегодня, что люди должны приносить свою жизнь в жертву интересам экономики. Господствующие фракции буржуазии искали (и, по большей части, нашли) способы представлять интересы и потребности своего класса и фракции, как благотворные для своего класса в первую очередь, а во вторую, для всего общества (ключевое условие для установления классового господства без каких-либо крупных волнений). Они неустанно повторяли, что проблемы обнищавших масс будут решены рано или поздно и что мир станет

лучше. Правительства обещали блестящее будущее так же как попы обещали царствие небесное.

Сегодня, таких разговоров не ведётся, больше не даются обещания о лучшей жизни на земле, не упоминаются решения для голода и нищеты – открыто и с вызовом говорится о том, что мы должны продолжать упакивать себя насмерть и что будущее будет ещё хуже. В прошлом, хотя немногие верили в это, говорилось о том, что нищета будет уменьшаться, что экономика спасёт от голода и нужды и что в будущем их будет всё меньше и меньше. Сегодня, не делается даже попыток спрятать тот факт, что в мире, который они обещают, всегда будут люди в лохмотьях, всё больше и больше людей будет выбрасываться на свалку.

Политики и правительства больше не произносят речей, требующих жертв во имя лучшего мира для всех. Они открыто подтверждают потребность обрекать всё больше и больше людей на безработицу, голод, нищету... потребность урезать социальные затраты, и т.д., потому что этого требует экономика для того, чтобы сделать предприятия конкурентоспособными. При том, что развитие капитала навязывает одну и ту же программу всем буржуазным фракциям тем более одинаковыми становятся их речи, более явным становится то, что нет разницы между политиками и правительствами. Их предвыборные кампании, их борьба в парламенте и их перевороты не представляют новых программ и не противопоставляют один слой другому, они только ссорятся из-за своей доли мертвечины, взяток и прочих хитростей, распределяемых в соответствии с жестокостью/жадностью их борьбы за увеличение эксплуатации и присвоения прибавочной стоимости: чем больше их способность к структуризации общества и использования суровых мер, тем больше их доля.

Сама экономика стала господствующей сферой для всех политиков и всех правительств. В прошлом, решающая роль экономики была скрыта под религией, политикой или различными идеологиями и её невозможно было использовать в качестве аргумента силы против человека; более того, политик или правительство попали бы в опалу если бы осмелились обнажить секрет господства и открыто заявить, что всё должно быть принесено в жертву на алтарь экономики, конкурентоспособности национальной экономики.

Изначальный комплекс вины буржуазии (наложивший свою социальную систему во имя народа и социального равенства - "Свобода, Равенство, Братство") привёл её к сокрытию того факта, что эта система приносит человеческие существа в жертву на алтарь денег. Политики скрыли то, что циничные и просвещённые буржуазные экономисты (такие как Дэвид Рикардо) обнаружили и описали в своих научных работах. Политики, идеологи и правители приняли задачу сохранения "тайны" в кружке "посвящённых". Сегодня, напротив, её широко возвещают повсюду: единственной значимой вещью является стремление к наживе, конкурентоспособность национальной экономики и если люди должны голодать из-за неё, то это просто необходимое зло. Каждый политик стремится показать свои предпринимательские навыки, призывая население работать больше и зарабатывать меньше.

Разрушение человека и солидарности между людьми достигло параноидального уровня: стало нормой, логической и естественной, что люди должны голодать ради того, чтобы сделать предприятия прибыльными. Точно так же как нам советуют брать с собой зонтик когда идёт дождь, нам говорят, что тысячи и миллионы людей людей

должны будут пострадать во имя национальной экономики, и что единственным способом избежать этой катастрофы будет ещё более тяжкий труд. В попытке лишить нас последних крох остающейся классовой солидарности, нам предлагается сделать пожертвование НПО или купить непортящиеся продукты в местном овощняке чтобы послать их беднякам в другой части света. Жертвоприношение и индивидуальное благосостояние стоят на повестке дня.

Дальнейшие описания или оправдания необязательны – ясно, что степень разделённости, отчуждения от человеческих потребностей и человеческой общины настолько громадна что всем кажется совершенно нормальным, когда политик часами бубнит об экономической статистике, потребности в том, чтобы люди отказывали себе и приносили выгоду бизнесу. Конкретное, реальность человека, превращается в полную абстрактность, а то, что кажется конкретным и реальным для аморфной массы граждан зрителей на самом деле является полной абстракцией: благосостояние страны, будущее национальной экономики. Знаменитая революция в коммуникациях, результатом которой стало отчуждение человека на не испытанных ранее уровнях, стала решительным фактором в этой обобщённой абстрактности человеческого рода. Было бы абсолютно невозможно убедить пролетария в прошлые века или в начале этого века, что ни он, ни его товарищи, ни его дети, ни его родители,... т.е. ни его класс, ни человечество... не обладают таким значением, как "Маастрихтские критерии", Меркосюр (6), "План А или план Б", "выгоды для экономики, предложенные последним налогом",... и эта абстракция обладает большим правом на существование, чем человек из плоти и крови. Поэтому любой пролетарий, действующий в соответствии со своими потребностями или потребностями класса является заговорщиком против установленного демократического порядка.

Обсуждение того до какой степени эта ситуация обозначает собой цель и исторические пределы всей буржуазной социальной системы, поскольку правящий класс больше не может предложить какой-либо жизнеспособный план для человечества или, наоборот, означает ли нынешняя ситуация, что система может продолжать навязывать любые жертвы, при том, что пролетариат не способен возродиться как класс, как историческая сила на данном этапе нашей истории, выходило бы за рамки данного текста. В любом случае, мы думаем, что обе эти реальности характеризуют современную международную обстановку, поскольку правящий класс всегда действует так, словно для него нет пределов, а пролетариат отвечает только от раза к разу и в отдельных регионах, не возрождаясь при этом в качестве всемирной силы. Эта ситуация продолжает определять весь ансамбль противоречивых характеристик современной борьбы (7).

"Кризис" или "оздоровление", всегда одна и та же песня

"Пришёл кризис, надо потуже затянуть ремни", "оздоровление хрупко, ещё немного усилий",... "мы видим свет в конце тоннеля, настало время выдвигать требования", "мы справляемся, но прирост всё ещё слаб"... вот что мы слышим слева и справа в этом спектакле, нацеленном на то, чтобы подчинить нас диктатуре экономики. Если эта проклятая экономика даёт сбой, мы должны делать отречения чтобы снова поставить её на ноги, если с ней всё в порядке, мы должны будем продолжать наши усилия чтобы не нарушить её ход и ещё больше улучшить её, если она борется, мы должны идти на **ещё**

большие самопожертвования для того, чтобы оздоровить её. Это **яснейший порядок системы, которой мы подчиняемся**. Нам говорят, что мы "должны продолжать грести, эту галеру нельзя бросать".

Это всё равно, что верить в Деда Мороза, жить в надежде на то, что правительство, политическая партия, профсоюз или телеканал,... когда-нибудь провозгласят добрую весть о том, что теперь мы можем жить полной жизнью, без самопожертвований, что мы будем жить лучшей жизнью и даже самые бедные будут привилегированы, с ростом зарплаты и социальной помощи, что все мы будем работать меньше и есть больше.

Примечания :

1. Для большей точности, следует сказать "критика экономики в её теоретическом выражении" потому что мы имеем в виду первые теоретические формулировки и объяснения этого процесса. В реальности, диктатура стоимости развилась после зарождения обмена, автономизации меновой стоимости и развития общего эквивалента, вплоть до основания общины денег как одной-единственной общины поработённых людей: весь человеческий род подчинён этой диктатуре (практика покажет, вопреки всем идеологиям, включая "марксистские", что начиная с этого исторического момента, независимо от непосредственных форм производства, люди стали не чем иным, как рабочей силой для воспроизводства мирового капитала). Поскольку пролетариат является объектом этой диктатуры и противостоит ей в цельной, экзистенциальной и живой манере, критика им экономики начинается с самого его существования.

2. Конечно, капитализм до сих пор учит, что лишь некоторые боссы являются эксплуататорами (а не все) или, что в диктатуре, войне или варварстве следует обвинять лишь некоторых сумасшедших людей, таких как Пиночет, Гитлер или Саддам Хуссейн.

3. Термин "ясно" не следует брать в демократическом смысле слова, означаящем, что большинство пролетариев ясно определили бы своего врага в этих движениях, но в том смысле, что социальная практика реформизма объективно противостоит историческим и социальным интересам всего пролетариата, в том смысле, что любой реформизм воспроизводит и поддерживает торговое общество, корень всего зла. Только более или менее организованное меньшинство, более или менее централизованное в автономную силу в зависимости от эпохи, может открыто и явно отрицать его. Ясно, что утверждение революционной программы, результат общего антагонизма всего пролетариата и капиталистического общества, может быть явно кристаллизовано лишь меньшинством пролетариев; притворяться что это не так будет означать работать на разъединение класса, на саботаж исторического действия развития пролетариата как партия.

4. Мы имеем в виду не то, что вплоть до того момента тотальная революция была полной утопией, но что до тех пор, социальные проекты происходили из идей и желаний революционеров и были смешаны с состоянием мира на тот момент. Поэтому, хотя действия революционеров полностью противостояли действиям реформистов, их проекты не выражали того же уровня радикального разрыва и антагонизма. Например, мы имеем в виду всё то, что называлось "утопический социализм и коммунизм", в

котором революционные утверждения сосуществовали с меньшими реформами буржуазного уровня.

5. Лучший способ развить эти пункты заключается в анализе опыта пролетариата в его революционных усилиях, особенно в анализе причин его поражений. В этом смысле, мы продолжаем нашу фундаментальную программную работу по революционному периоду 1917-1923 во всём мире, а также революционным вспышкам в Мексике в начале века и в Испании в 30-е.

6. Коммерческие соглашения объединяющие Аргентину, Бразилию, Уругвай и Парагвай.

7. На эту тему см. также "General Characteristics of the struggles of the present time", в журнале Communism No.9.

8. Это не означает, что эта статья более или менее важна, чем другие более абстрактные или глобальные тексты такие как введение к диктатуре экономики. Оба текста выражают разные уровни одного и того же содержания, которые необходимы и важны для нашей борьбы.